

Egz. archiwotary UBL





В. А. ФРАНЦЕВЪ.

---

I. КЪ БИОГРАФИИ Ф. МИКЛОШИЧА.

II. „СВѢТЛАНА“ В. А. ЖУКОВСКАГО

И

„WIECZÓR Ś. ANDRZEJA“ СТ. ВИТВИЦКАГО.

---

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1906.





В. А. ФРАНЦЕВЪ.

---

I. КЪ БИОГРАФИИ Ф. МИКЛОШИЧА.

II. „СВѢТЛАНА“ В. А. ЖУКОВСКАГО

И

„WIECZÓR Ś. ANDRZEJA” СТ. ВИТВИЦКАГО.

---

INSTYTUT  
BADAŃ LITERACKICH PAN  
BIBLIOTEKA  
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7  
Tel. 26-68-63

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1906.





Отд. оттискъ изъ журн. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“.

7067

0001

## Къ біографіи Ф. Миклошича.

(Изъ матеріаловъ для исторіи славянскоѣ филологіи).

Въ 1850 г. вышелъ въ свѣтъ извѣстный трудъ проф. Ф. Миклошича „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti“ (Vindobonae), посвященный сербскому князю Михаилу Обреновичу, на средства коего былъ изданъ. Словарь этотъ вмѣстѣ съ двумя другими, одновременно съ нимъ вышедшими грамматическими работами Миклошича (Formenlehre der altslovenischen Sprache и Lautlehre der altslov. Sprache) вызвалъ, между прочимъ, нѣкоторыя замѣчанія со стороны В. Ганки въ статьѣ озаглавленной: „Slovanská mluvovĕda“, первоначально читанной Ганкою въ засѣданіи филологическаго отдѣленія Королевскаго Чешскаго Ученаго Общества 26 апр. и 24 мая 1850 г., а затѣмъ появившейся въ Čas. Česk. Musea, 1850, str. 297—311<sup>1)</sup>. Критическая статья эта производила непріятное впечатлѣніе крайне безтактной выходкой Ганки по отношенію къ Миклошичу, а именно высказаннымъ подозрѣніемъ, что нѣкоторые изъ трудовъ Миклошича (Radices, Homilia и Vitae Sanctorum) являются, повидимому, недоконченными работами учителя его Копитара. Оскорбленный статьей Ганки, Миклошичъ потребовалъ отъ него или доказать обвиненіе, или отказаться отъ него въ извѣстный срокъ. Ганка въ общемъ отвѣчалъ довольно уклончиво<sup>2)</sup>, но рѣшительно протестовалъ противъ об-

<sup>1)</sup> Неправильно называетъ ее І. Ганушъ, Česká literatura IX st., str. 729, анонимной. Подписи подъ нею дѣйствительно нѣтъ, но въ самомъ заголовкѣ ясно сказано: „Čteno... od Václava Hanky“.

<sup>2)</sup> Ср. Odpověď na předběžnou odpověď ve Vídeňském Denníku, č. 11, 1850. Ср. В. Францевъ, Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель. стр. 802.



виненія Миклошича, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ганка въ письмахъ къ русскимъ друзьямъ своимъ якобы изображалъ его въ крайне неблагопріятномъ освѣщеніи. Свои счеты съ Ганкой Миклошичъ свелъ въ рѣзкой отповѣди ему, озаглавленной: „Entgegnung auf Herrn Wenzel Hanka's Alberheiten und Lügen“ въ своемъ журналѣ „Slavische Bibl.“, 1851, 267—321.

Въ то же время онъ препровождаетъ два экземпляра своего Словаря въ Петербургъ при слѣдующемъ письмѣ къ кн. Ширинскому-Шихматову <sup>2)</sup>:

Generosissime Princeps!

Cum abhinc annos quindecim animum adpulissem ad indagandas antiquitates Slavorum, non potui non videre, ut res succedat, nihil magis esse necessarium, quam adcuratiorem cognitionem linguae vetustioris Slavorum, praecipue ejus, quam palaeoslovenicam adpellare consueverunt, quaeque fundamentum est linguae hodie apud Slavos ecclesiae orientalis in sacris usitatae. Ego igitur ab illo tempore e libris impressis et e codicibus manuscriptis indefessa diligentia voces hujus linguae colligebam, in quo opere, quod Slavis universis non inutile fore spero, magnopere me adjuverunt amici, libros codicesque palaeoslovenicos suppeditantes, et bibliotheca Caesarea Vindobonensis, hujus generis libros continens non paucos. Ita factum est, un non solum, quod caput rei est, vocum antiquiores, ne dicam antiquissimas possem restituere formas, verum etiam, ut liber meus multo majorem exhibeat vocum palaeoslovenicarum numerum, quam in lexicis prius editis reperire licet. Voces slavicas graece explicandas censui, quod maxima pars monumentorum palaeoslovenicorum e graeco idiomate versa est, et latine, quod cultioris ingenii homines per totam Europam Romanorum linguae peritos esse sciebam.

Ignosce, Generosissime Princeps, mihi duo lexici palaeoslovenico-graeco-latini exemplaria Tibi, magnanimo litterarum patrono, mittere auso, Teque precanti, ut alterum AUGUSTISSIMO RUSSIAE IMPERATORI proponere, alterum vero ipse accipere digneris, in tesseram venerationis, qua Te prosequi nunquam desinam.

<sup>1)</sup> Po drahný čas již mi dobře povědomo jest, že jste mne již před několika lety přátelům svým v Rusích vyličovali jakožto zloděje“, такъ цитируетъ это обвиненіе самъ Ганка. Ibid., 802.

<sup>2)</sup> Архивъ Мин. Нар. Просв., Дѣло № 129706. — 133.



Fave, Generosissime Princeps, deditissimo Tibi Fr. Miklosich, Imperatori Austriae a bibliotheca, litterarum slavicarum in Universitate Vindobonensi proffessori, Caesareae academiae scientiarum membro.

Vindobonae cal. Mart. 1851.

Мы не можемъ сказать опредѣленно, что собственно имѣлъ въ виду Миклошичъ, дѣлая этотъ нѣсколько неожиданный шагъ, но совпаденіе его по времени съ непріятнымъ конфликтомъ съ Ганкою едвали является случайнымъ.

Слѣдующее письмо къ кн. П. А. Ширинскому-Шихматову заключаетъ отзывъ Востокова о подношеніи Миклошича:

26 Мая 1851 года.

№ 61

Милостивый Государь,  
Князь Платонъ Александровичъ.

Въ слѣдствіе предложенія Вашего Сіятельства отъ 2 сего Мая за № 760 Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности поручило разсмотрѣніе Словаря Древне-славянскаго языка, съ Греческимъ и Латинскимъ переводомъ словъ, составленнаго Миклошичемъ, ординарному академику Востокову.

Г. Востоковъ отозвался, что трудъ Г. Миклошича не можетъ быть названъ полнымъ Словаремъ Старославянскаго языка, потому что матеріалы, которыми онъ пользовался, не очень богаты: между ними три рукописи XI, одна XII, одна XIII и восемь XIV вѣка, прочія рукописи, служившія матеріалами, принадлежатъ къ XV и XVI столѣтіямъ. Изъ сихъ источниковъ г. Миклошичъ выбиралъ попадавшіяся ему слова, большею частію безъ примѣровъ, прилагая къ нимъ свой собственный Греческій и Латинскій переводъ, основанный иногда только на догадкахъ; при всемъ томъ онъ успѣлъ собрать такимъ образомъ довольно много древнихъ словъ, и трудъ его заслуживаетъ признательность и можетъ быть поднесенъ Государю Императору. Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности, соглашаясь съ отзывомъ г. Востокова, поручило мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства о содержаніи сего отзыва.

Представляя Словарь г. Миклошича, имѣю честь быть съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію

Вашего Сіятельства

(подп.) покорнѣйшимъ слугою В. Полѣновъ.

Его Сіятельству Кн. П. А. Ширинскому-Шихматову.

Однако желаніе Миклошича не было исполнено. Этотъ ли отзывъ Востокова, или какое-либо иное соображеніе министра помѣшало осуществить его просьбу, мы не можемъ сказать. Востоковъ, какъ видимъ, призналъ Словарь достойнымъ поднесенія Государю, и въ „Дѣлѣ“ имѣется даже заготовленное представленіе министра Государю о дозволеніи „объявить проф. Миклосичу за поднесеніе сего труда Монаршее благоволеніе“, но по неизвѣстной намъ причинѣ 8-го іюня 1851 г. министръ приказалъ оставить дѣло „безъ производства“.

Вл. Францевъ.





## „Свѣтлана“ В. А. Жуковскаго

и

## „Wieczór Ś. Andrzeja“

## Ст. Витвицкаго.

Въ исторіи взаимныхъ связей литературы русской и польской въ первую половину XIX ст. можно отмѣтить нѣсколько весьма интересныхъ моментовъ, на которые въ разное время обращали свое вниманіе изслѣдователи и русскіе, и польскіе. Назовемъ, напримѣръ, вопросъ о вліяніи творчества В. А. Жуковскаго, въ частности его знаменитой баллады „Свѣтлана“ на польскихъ поэтовъ, или — объ отношеніи „Думъ“ Рылѣва къ извѣстнымъ „Историческимъ пѣснямъ“ (*Śpiewy historyczne*) Ю. У. Нѣмцевича <sup>1)</sup>. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что литературная исторія и русская, и польская заключаютъ немало подобнаго рода темъ и вопросовъ, разъясненіемъ которыхъ надлежитъ еще заняться нашимъ и польскимъ историкамъ литературы. Къ вопросу о вліяніи „Свѣтланы“ Жуковскаго на одного изъ представителей ранняго польскаго романтизма Стефана Витвицкаго обратился недавно еще Станиславъ Здзярскій въ своихъ „Литературныхъ очеркахъ“ (*Szkice literackie*. Warszawa-Lwów, 1903). Произведеніемъ Витвицкаго, возникшимъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Жуковскаго, была чрезвычайно длинная баллада, озаглавленная „Wieczór Św. Andrzeja“,

<sup>1)</sup> Ср. по этимъ вопросамъ: „Рылѣвъ и Нѣмцевичъ“, ст. А. Сиротинина, Р. Арх., 1898, № 1, стр. 67. Ср. еще Крај, 1905. Р. Брандтъ, „Ленора, Людмила и Перина. Замѣтка по польской литературѣ“, Р. Ф. Вѣсти., т. 35, стр. 171 и сл.



написанная, впрочемъ, по увѣренію самого автора, на основаніи народной украинской повѣсти. Г. Здярскій въ обстоятельномъ разборѣ этой баллады, путемъ детальнаго, стихъ за стихомъ сличенія „Вечера св. Андрея“ и „Свѣтланы“, доказываетъ, что она представляетъ не оригинальное произведеніе Витвицкаго, а является лишь чрезвычайно близкой къ подлиннику, но при этомъ весьма неумѣлой передѣлкой „Свѣтланы“ Жуковскаго.

Мнѣніе о зависимости „Вечера св. Андрея“ отъ „Свѣтланы“ принадлежитъ однако не г. Здярскому. Эта зависимость отмѣчена была значительно раньше г. Здярскаго однимъ изъ польскихъ литературныхъ критиковъ, при чемъ высказанное имъ заявленіе послужило предметомъ цѣлаго литературнаго спора, на которомъ мы и имѣемъ въ виду остановиться въ нашей замѣткѣ. Въ отчетѣ, посвященномъ названнымъ выше „Литературнымъ очеркамъ“ г. Здярскаго (Ср. Къ исторіи взаимныхъ связей литературы русской и польской въ XIX ст. Литературный Вѣстникъ, 1903, кн. 3-я, стр. 360—362), мы указали, что еще въ 1825 г. въ журналѣ *Dziennik Warszawski* (I, 448) въ критической статьѣ, вызванной появленіемъ въ печати перваго тома стихотвореній А. Э. Одынца (Вильно, 1825, у Завадзкаго), наряду съ весьма одобрительнымъ отзывомъ о дѣйствительно прекрасномъ переводѣ „Свѣтланы“, сдѣланномъ другомъ Мицкевича, высказано было вскользь замѣчаніе и о болѣе ранней плохой передѣлкѣ Витвицкаго, умолчавшаго при этомъ объ истинномъ источникѣ своего „*Wieczoru Św. Andrzeja*“. Замѣтка *Dziennika Warsz.* говорила буквально слѣдующее: „W zbiorze poezyi Odyńca znajduje się także Świetlana, ballada Żukowskiego, smutnego wieszczą znadbrzeża mroźnej Ladogi (sic!), a kiedy Witwicki w ogólnych i nie nieznaczących wyrazach osądzony zamilczał o Świetlanie, zamilczał o Żukowskim i plód jego przekreśnony za swój własny uważać kazał; kiedy M. Grabowski (obacz ostatni № *Astreii*) z zapalem w trzech wyrazach potępia *Wieczór Ś. Andrzeja* i nieznajduje w nim żadnej piękności poezyi, Odyńiec pięknem tłumaczeniem z rosyjskiego Świetlany odkrywa autora *Wieczora Ś. Andrzeja* i naigrawać się każe z pocisków przeciwno niemu i Witwickiemu wymierzonych“.



Такимъ образомъ, зависимость баллады Витвицкаго отъ „Свѣтланы“ Жуковскаго обнаружена была тотчасъ же послѣ появленія ея, и литературный обозрѣватель *Dziennika Warsz.* заявилъ объ этомъ въ столь рѣшительной формѣ, что, повидимому, не могло быть двухъ мнѣній по вопросу объ оригинальности польской баллады. Г. Здзярскій своимъ сравненіемъ обоихъ произведеній еще разъ подтвердилъ лишь то, что было высказано задолго до него, но зато онъ впервые доказалъ мысль о заимствованіи Витвицкаго тщательнымъ и подробнымъ анализомъ польской передѣлки „Свѣтланы“, не оставляющимъ уже никакихъ сомнѣній относительно ея истинной цѣны.

Упрекъ, сдѣланный Витвицкому въ приведенной выше выдержкѣ изъ *Dziennika Warszawsk.*, былъ однако настолько оскорбителенъ для литературнаго имени молодого польскаго поэта, что онъ не замедлил отвѣтить своему строгому судѣ. Отвѣтъ появился прежде всего въ *Bibl. Polskiej* (1825, III, 192—194), а затѣмъ, по желанію издателей *Dziennika Warsz.*, былъ цѣликомъ перепечатанъ при письмѣ и съ замѣчаніями ихъ въ *Rozmaitościach Warsz.* (*Pismo dodatkowe do Gazety Korrespondenta Warsz.*, 1825, № 34, str. 267—269: „Odpowiedź na zarzut uczyniony przez panów wydawców *Dziennika Warsz.*“).

„Гг. издатели *Dzienn. Warsz.*, говорили Витвицкій, обвинили меня въ злоупотребленіи общественнымъ довѣріемъ, заявляя, будто бы въ балладѣ моей п. з. „*Wieczór Ś. Andrzeja*“ я имѣлъ дерзость присвоить себѣ чужое произведеніе и чужую заслугу. Такой упрекъ, раньше чѣмъ сдѣлать его, необходимо было бы основательно разобрать, ибо онъ касается не столько моихъ произведеній, сколько моей личности“. Поэтому, задѣтый издателями *Dzienn. Warsz.*, Витвицкій рѣшилъ представить дѣло на судъ общественный. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ обвиненія въ недобросовѣстномъ заимствованіи у Жуковскаго: „Балладу «*Wieczór Ś. Andrzeja*» я написалъ по повѣсти украинскаго народа, какъ это и отмѣчено мною въ самомъ заглавіи. Повѣсть эта одинаково извѣстна и населенію Подолья и Волыни (вѣроятно, и болѣе глубокимъ русскимъ областямъ), распѣвается во многихъ частяхъ Польши, извѣстна съ нѣкоторыми измѣненіями и въ Германіи. Какъ на основѣ



ея Бюргеръ является авторомъ „Леноры“, такъ Жуковскій со-  
здалъ по ней свою „Свѣтлану“, а я являюсь авторомъ „Вечера  
св. Андрея“. Не понимаю, почему гг. издатели *Dzienn. Warsz.*  
вмѣсто того, чтобы взглянуть на дѣло возможно проще, пред-  
почли обвинить меня въ обманѣ<sup>1)</sup>. Оба мы съ Жуковскимъ слы-  
шали повѣсть изъ устъ одного народа и потому мы не могли  
настолько отличаться другъ отъ друга, насколько разнятся отъ  
насъ Бюргеръ, слышавшій ее столь далеко отъ насъ. Однако  
между „Свѣтланой“ и „Вечеромъ св. Андрея“ (не говоря  
о различіи дарованій писателей) столько разницы въ изложеніи  
(w wykładzie), что даже трудно понять, какъ можно прини-  
мать ихъ за одно и то же произведеніе<sup>2)</sup>. Тѣ описанія и мысли,  
которыя общи обѣмъ балладамъ, всѣ взяты изъ народной по-  
вѣсти и не составляютъ собственности ни Жуковского, ни мо-  
ей; ни одна изъ тѣхъ мыслей и картинъ, которыя въ „Свѣтла-  
нѣ“ созданы уже ея авторомъ, не находятся въ „Вечерѣ св.  
Андрея“. Кромѣ того, мы ввели и въ самое содержаніе нѣко-  
торыя отличія, такъ въ „Вечерѣ св. Андрея“ добавлены погрѣ-  
бальное пѣніе, выпряженные изъ саней кони, связанные цѣ-  
пью, между тѣмъ какъ въ „Свѣтланѣ“ точно соблюдена народ-  
ная повѣсть. Если бы я даже зналъ „Свѣтлану“, можетъ быть,  
я предпочелъ бы вмѣстѣ съ Жуковскимъ отступить отъ повѣ-  
сти въ заключеніи. Подтвержденіе того, что я говорю, всякій  
можетъ найти въ повѣсти, непрестанно живущей въ народѣ“...

Витвицкій даже приводитъ пять стиховъ якобы народной  
пѣсни, вѣрно переведенныхъ имъ въ своей балладѣ, но не со-  
храненныхъ Жуковскимъ. По увѣренію Витвицкаго, они зву-  
чатъ въ устахъ народа слѣдующимъ образомъ:

„Żde mij w cyrkwi młodec,  
Dajtej persteń i wineć.  
Mni wińczat'sia sim wińcom,  
Obroczat'sia persteńcom,  
U prestola z młod'com“.

<sup>1)</sup> Витвицкій выразился сильнѣе: „woleli raczej oskarżać mię o szalbierstwo“. На это издатели *Dzienn. Warsz.* возражали, что они заподозрили его толь-  
ко въ извращеніи (przekręcenie) плода пера Жуковского.

<sup>2)</sup> Издатели *Dzienn. Warsz.* въ своемъ примѣчаніи возражали: „Bardzo trudno, jednak eokolwiek pięknego znajdzie czytelnik w balladzie p. t. Wieczór Św. Andrzeja, to niechybnie znajdzie w Świetlanie“.



Стихи эти однако возбуждают сильное сомнѣніе относительно ихъ подлинности и даже размѣромъ удивительно напоминаютъ „Свѣтлану“. Витвицкій сдѣлалъ, несомнѣнно, большой промахъ, не напечатавши тотчасъ же, въ огражденіе себя отъ упрековъ, полнаго текста извѣстной народной пѣсни.

Но и столь категорическое возраженіе Витвицкаго, заявлявшаго о своемъ незнакомствѣ съ балладой Жуковскаго, не поколебало убѣжденія издателей *Dzienn. Warsz.* въ зависимости баллады польскаго поэта отъ „Свѣтланы“. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ письму Витвицкаго они отвергали всякую мысль обвинить поэта въ недостойномъ, злонамѣренномъ умолчаніи о заимствованіи, но въ то же время настойчиво повторяли, что трудно повѣрить, чтобы два автора могли написать столь сходныя, какъ по общему укладу, такъ и по многимъ частностямъ, произведенія, тѣмъ болѣе, что Жуковскій написалъ свою „Свѣтлану“ значительно раньше появленія баллады Витвицкаго. Если Витвицкій, говорили его критики, не зналъ „Свѣтланы“ въ оригиналѣ, то несомнѣнно долженъ былъ знать ее по какому-либо переводу.

И литературный критикъ *Biblioteki Polskiej* (1825, t. III, str. 272), разсматривая первый томъ стихотвореній Одынца, заявлялъ о сходствѣ баллады Витвицкаго съ „Свѣтланой“, но признавалъ, очевидно, вполне достойнымъ довѣрія указаніе его на источникъ сюжета („P. Witwicki napisał także balladę bardzo do Świetlany podobną, podług tejże samej pieśni gminnej“, какъ и Жуковскій). Къ упреку, высказанному издателями *Dzienn. Warsz.*, критикъ отнесся при этомъ неодобрительно, какъ къ обвиненію недоказанному („Pisząc pp. wydawcy *Dz. Warsz.* o Świetlanie, oskarżyli p. Witwickiego, że naśladował autora rossyjskiego, nie o tem niepowiedziawszy“); точно такъ же неосновательными признавалъ онъ и тѣ язвительныя примѣчанія, которыми снабдили издатели *Dziennika Warsz.* приведенное выше письмо Витвицкаго („Pp. wydawcy *Dz. W.*, umieszczając w *Rozmaitościach* odpowiedź P. Witwickiego z własnemi notami, prócz kilku docinków, nie nie powiedzieli na poparcie zdania swojego, tylko to, że P. Witwicki *koniecznie* musiał znać Świetlanę P. Żukowskiego“). Является

вопросъ,— недоумѣвалъ тотъ же критикъ,— кому вѣрить, словамъ ли автора, который публично заявляетъ, что воспользовался народной повѣстью, или гг. издателямъ, которые увѣряютъ его въ томъ, что онъ торжественно отрицаетъ? По его мнѣнію, издателямъ Dzienn. Warsz. слѣдовало бы для выясненія этого вопроса напечатать вѣрный переводъ народной пѣсни, послужившей источникомъ и „Свѣтланы“ Жуковского, и „Леноры“ Бюргера, и „Вечера св. Андрея“ Витвицкаго. Однако, ближайшее сравненіе баллады Витвицкаго съ произведеніемъ Жуковского должно было бы убѣдить защитника оригинальности польскаго поэта въ несомнѣнной зависимости „Вечера св. Андрея“ отъ „Свѣтланы“ и частью отъ „Леноры“. На этомъ сравненіи мы останавливаться не будемъ, ибо оно сдѣлано уже, какъ мы выше сказали, г. Здзярскимъ въ его „Литературныхъ очеркахъ“.















F  
7067